

A photograph of four women in elaborate 18th-century period costumes standing in a grand, ornate room with red damask wallpaper and large mirrors. The woman on the far left wears a white wig and a patterned gown. The second woman from the left has reddish hair and wears a black dress. The third woman has dark curly hair and wears a red gown. The woman on the far right wears a large powdered wig and a yellow gown with ruffles. The room is lit by a large chandelier.

Грета Горбъ

Школа
счастья

A.D.2020

Грета Горбъ

Школа счастья. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63421466

ISBN 9785005180841

Аннотация

Юная Харианна открывает для себя исторический танец. Ее успехи, однако, радуют не всех. Познавая мир старинных усадеб и дворцов, она будто путешествует на машине времени. На миг она становится мертвой царевной, что приводит к открытию закона поцелуя спящей красавицы. У нее появляется тайна. Кому-то открыть ее будет труднее, чем закон поцелуя. Магия музыки и танца – лейтмотив романа. Жизнь в «Школе счастья» похожа на сказку, которая на глазах становится былью.

Содержание

Грета Горбъ	6
Школа счастья	7
Роман	7
A.D. 2020	8
Пролог на площади	9
Глава 1	14
Коктейль эмоций	14
Глава 2	22
Упоение	22
Глава 3	25
Похмелье	25
Глава 4	30
Держи голову по ветру, а спину прямо	30
Глава 5	38
Времени в вечности нет	38
Глава 6	42
Урок мазурки или Геометрия танца	42
Глава 7	46
Вальс с табуретом	46
Глава 8	51
Прилет Хратиона	51
Глава 9	61
ПоРа – по солнечным часам	61

Школа счастья

Роман

Грета Горбъ

© Грета Горбъ, 2020

ISBN 978-5-0051-8084-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Грета Горбъ

Школа счастья

Роман

A.D. 2020

Пролог на площади

*Центры старинных городов – это салоны,
Меблированные антиквариатом зданий,
Когда-то восходили здесь на троны,
Записывали предыстории сказанья.*

Самыми великолепными салонами старинных городов были и остаются площади. Дворец, храм и колоннада – своего рода декорация стен, посредине которого пульсирует водной лилией фонтан – сердце площади, осыпая все вокруг сверкающим бисером брызг. В ясный день, под солнцем, в окружении кордебалета облаков, площадь делается великолепнее Рафаэлевых полотен, а если же ко всему она выходит на набережную реки, озера или моря, тогда и не всякий зал Зимнего дворца или Версаля может сравниться с завораживающим очарованием такой площади-салона, глядящейся в водное зеркало.

Юная особа, – неужели сошедшая с полотна Лукаса Крайна Старшего?! – с простыми и ясными чертами открытого лица, по-детски припухлого, с затянутыми в тяжелый узел на затылке светло-ржаными волосами, в белой майке, широкой льняной юбке в цвет волос, с тощим рюкзаком за спиной, и сандалиях цвета древесной коры, шагала по улочке, напевая модный мотив: «И сад мой пенится си-

ренью», когда до ее слуха донеслись звуки из иных времен. Времен померкшей позолоты, витиеватых кружев, расписных вееров, кринолинов и бархаток с хрустальной каплею на шее. На что же они похожи, кринолины? На перевернутые чашечки колокольчиков, тюльпанов, парашютов?

Девушка ринулась в поток музыки, долетающей из улочки, которая впадала в площадь. За живой стеной людских спин были видны мелькающие пары танцующих: дам в пышных платьях, кавалеров в кителях и фраках. Она просочилась сквозь стену спин и вышла на площадь.

Примерно двенадцать пар плели кружево танца: две пары соединяли руки в центре, и танцевальным шагом двигались каруселью в одну сторону, сделав круг, меняли руки и устремлялись в обратную, разбивали круг и кружились друг вокруг друга, меняя партнеров и чередуя руки, подаваемые в вихре кружения. Сдвинувшись на одну пару вперед, повторяли цикл. Это была живая симметрия, пришедшая в движение, круглая кружевная скатерть, одушевленное золотое сечение, простое и гениальное волшебство прядения гармонии в её геометрическом воплощении.

И всё это происходило точно под музыку. Да какую музыку! Как само кружево танца, легкую, размеренную, изысканную. Музыка окрыляла, переносила в иные времена и измерения, в мир Анжелики и короля, дворцов, салонов, Трианона. А ещё кружили голову платья из удивительных, забытых, но тут же воскресших в памяти, тканей: парчи, набивного

муара, и, конечно, царя всему – невесомого, летящего шелка шепчущих полутонов и атласно-шампанского блеска. Конечно, немного провинциальные эти наряды, но в этом даже была своя прелесть! С шелковыми кружевами и оборками, взлетающими под музыку. Правда, одна мадам танцевала в спортивном костюме, и это кололо глаза. Но разве червоточина – не признак здорового яблока?

– Как им это удаётся?! – раздавались восхищенные возгласы в толпе.

– Такой узор!

– Как можно выстроить такой узор?

– Да еще так быстро?! Легко и просто?!!

Девушка, замороженная чудом, представшим на блюдечке площади, была захвачена им, исчезли чувства, мысли, а был только восторг, восторг – до изнеможения. И, слыша возгласы вокруг, давалась диву: ба! да мысли мои гуляют в толпе и подают голоса. Рассмеялась тому тихим, воркующим смехом, озарившим её лицо мягким светом, а глаза засияли, как росинки на зеленой траве.

Танец закончился; по площади, со странным названием Лёгкие, порывом ветра прокатился шелест аплодисментов. Один из танцевавших, смуглый брюнет довольно высокого роста, заговорил в микрофон, прикрепленный на лацкане.

– Ансамбль «Маска радости» исполнил для вас-с-с, вальс-с-с «Кентского герцога»! Каждый желающий может легко обучиться этим-м-м танцам. В прош-ш-шлые времена их

танцевали не только в салонах, но и на площ-щ-щ-адях, графини и горничные, маркизы и маркитантки, короли и кухарки! Эти танцы не знали сословных и временных барьеров! Они примиряли всех со всеми и со всем-м-м. Пусть не насовсем. М-м-мадам! – виртуозно поклонился он старушке из толпы. – Разрешите вас-с-с пригласить на вальс-с-с.

Но старушка замахала руками:

– Нет, нет!

Он не менее виртуозно повернулся к толпе и выкинул вверх руки:

– Кто ж-ж-желает отведать вечный танец?! Вкусить с-с-само время?!

Девушку будто кто-то толкнул, не в спину, а изнутри, и она раньше, чем поняла, что делает, уже бежала по площади, отбросив в сторону рюкзачок, раскинув руки:

– Я! Я! Мне! – и, резко затормозив, предстала пред кавалером.

Он подхватил ее под крылья, их вместе, как ветер, подхватил вальс и понёс, кружа, по периметру площади Легкие. Кавалер вел точно, уверенно, это передавалось девушке; давно ль она кружилась на выпускном балу? Точно, сильно вёл кавалер, но и мягко, – мягко же и оставил ее и увлёл другую даму, подоспевшую из толпы. Девушка по инерции чуть не упала, и упала бы, если бы ее не подхватил другой кавалер во фраке, который и довел ее до остановки движения, дотанцевал с ней повороты. Кто-то подал ей брошенный рюкзачок.

– Спасибо, – хлопнула она себя по лбу запястьем, – я и забыла. Все забыла напрочь, забылась.

Вальс закончился. В микрофоне раздался тот же голос:

– Дамы и господа, ждём вас в школе «Маска радости»! Милые барышни, раздайте приглаательные! Мы проводим занятия каждую неделю с сентября по июль в клубе Пенелопы! Первый урок свободно открыт для всех!

Барышни в кринолинах рассыпались по площади, раздавая яркие афишки. К девушке с рюкзачком подпорхнула одна из барышень, всколыхнув воланы пышного платья нежного салатного цвета, обрамлявшего оголенные плечи, розочка с лентами во впадинке декольте украшали его по подолу и были приколоты в высокую прическу. Ручкой в плену белой атласной перчатки она протянула ей пёструю афишку:

– Приходи, у тебя здорово получается, – обворожительно улыбнулась она. – Я – Милена.

– Просто фея! – в упоении пропела девушка.

– Фея? Ты Фея? – обрадовалась Милена.

– Нет, нет, это ты фея! Я Харианна!

– Харианна, – повторила Милена, протягивая афишку кому-то рядом и уходя по кромке толпы.

– С вами был ансамбль «Маска радости» из Международного сообщества танца и его бессменный маэстро Лукиан Саларьев! – вещал микрофон.

Харианна спрятала афишку в рюкзачок и покинула площадь, просочившись сквозь толпу.

Глава 1

Коктейль эмоций

Между видением на площади и началом танцевального курса была пропасть величиной в летние каникулы. И Харианна прыгнула в нее, как пловец с трамплина. На дне плескалось сине-зеленое море. Качаясь на его волнах или бродя по сосновому бору, хвойным палантином наброшенном на взморье, она вспоминала видение на площади Легкие, и улыбка брезжила на её лице.

Миновало лето, на смену явилась осень в бальном золотом платье – за каникулами пришли будни. Для Харианны это были новые будни в рядах счастливого студенческого братства на первом курсе факультета логософии в Институте Нейролингвистики.

На пробный урок «Маски радости», она явилась, когда ансамбль был уже в сборе. Все обратили на нее подзорные трубы оценивающих взглядов.

– Ура, ола! – заорал танцмейстер Саларьев, вскинувши руки, будто древний человек в молитве о дожде. – С нами Харианна! Добро пожаловать в мир сказки, мир вечного танца! Ура, ура!

Она улыбнулась и невольно поёжилась: по залу, несмотря

на множество присутствующих, гулял холод.

– Знакомимся! – пустил ее по кругу танцмейстер.

Первым был знойный римлянин с античным профилем, высокий и подтянутый:

– Северин. Очень приятно, – проговорил он юношеским баском, подавая руку.

– Наш герой! – безостановочно комментировал Саларьев.

– О-очень, – ответила на рукопожатие новенькая.

Из-за спины его появилась Милена («Точно камея!» – восхитилась Харианна):

– Привет!

Они обнялись, как старые приятельницы. Харианна уловила теплый аромат ее русых волос, распущенных по спине, и дружеский взгляд голубых глаз.

– Звёздочка наша! – представил Милену танцмейстер.

Затем был черед полной, крепкой дамы:

– Роза! – представилась она, не разнимая губ.

– Великая Роза! – не смолкал танцмейстер. – А большая так уж точно.

«Кубик», – обозначила ее для себя Харианна.

Рядом стояла маленькая, похожая на сушёный абрикос блондинка в ботфортах:

– Клавдия!

«Кого же она мне напоминает?» – улыбалась Харианна.

– Мишель Мерсье! – ответил на ее мысли Саларьев, ставший сейчас конферансье.

Затем была худенькая, кротко-смиренная, будто святая, женщина:

– Мария, – робко улыбнулась она.

– Ты еще попробуешь булочки нашей Марии, санта Лючии! – пообещал конферансье.

За ней:

– Ян Покленов, – высокий, подтянутый гусар, облагороженный залысинами, блестящими, как полировка на дорожной мебели.

– Это лорд дизайна! – не замолкал Саларьев.

За ним показалась юркая особа женского пола с прозрачными голубыми глазами и выдающимся носом:

– Геката! – присела она в шутовском реверансе.

– Звездочка, это что-то с чем-то, ваще!

«Право первой ночи в этих краях не осталось бесследным», – старалась не выдать своего шока новоприбывшая:

– Харианна!

– Так может просто Анна? – предложила кубическая Роза.

– Да нет, – отшатнулась Хари.

Затем представился штатный фотокор-любитель с висевшим на животе рылом объектива, наведенным на всякого встречного:

– Пометов Теодор, – псевдолюбезно улыбнулся этот обрюзгший... впрочем, еще далеко не старик. – Фотография – это метка момента. И слепок его.

Далее были две сестры, Флора и Лаура, крепкие, туго сби-

тые, рослые брюнетки с одним кавалером на двоих, Жорой, похожим на кенгуру при росте жирафа, за ними Гарик Арлекинов, сухощавый человек, раскрывшийся в глубоком реверансе:

– Магистр театра марионеток!

– Вот уж где и правда, имя – знамя сути, – прокомментировал Саларьев.

И так далее, еще с дюжины человек в цветных балахонах, узких лосинах, пестрых размахаях, что смешалось в голове Харианны в один пестрый балаган: «Неужели они все в таком виде будут танцевать? Ведь придется иметь с ними дело».

– Ты уже занималась танцами? – не смолкал Саларьев.

– Да, давно.

– Балетом?

– Да.

– Ну, я ж вижу. Осанка. Балетных за километр видно, – не останавливался Саларьев. – Ну, всё, всё, – забил в ладоши. – Теодор покажет нам слайды с нашего последнего бала!

Моментально был спущен белый экран, приглашен свет, и Пометов стал проектировать снимки, сделанные в музейном дворце на широкой мраморной лестнице, затем в парке с фонтаном, статуями и далее в бальном зале с неопознанным летающим объектом из хрусталя под условным названием люстра.

На снимках дамы были запечатлены в бальных платьях, в диадемах, с цветами и перьями в волосах, мужчины в ли-

врейных фраках или мундирах с эполетами и лентами через грудь вместо портупей.

Харианна нахмурилась: эти снимки казались стоп-кадрами из фильма о Сисси, австро-венгерской императрице Елизавете, супруге Франца-Иосифа, когда ее бойкотировала ломбардская знать и в знак неприятия послала к ней на прием вместо себя своих кухарок, конюхов, горничных в барских платьях.

– Ах, красавица! Красота собственной персоной! – восклицал Саларьев при виде каждого нового снимка. – Глаз не оторвать!

В самом деле, убранство залов было великолепно.

Сисси, чтобы не испортить праздник, велела вызывать к ней послов своих господ – кухарок, конюхов, горничных – и принимала их так, как если бы они были господами: ведь те являлись на оповещение глашатая о том, что сейчас предстанет пред августейшими очами маркиз Карабас такой-то или герцогиня Дюшесс такая-то. Когда маркизы и княгини узнали об этом, они поняли, что проиграли партию: императрица поставила им мат один на всех. Блестящий сеанс одновременной игры.

– Просто красotka! Это красота красоты, – бомбардировал ушные перепонки Лукиан Саларьев.

Красотки же из зала собой не просто любовались, они восторгались, не сводили восхищенных глаз с экрана и всплескивали руками в умиление.

Наконец, начался урок. От впечатления, которое он произведет, зависело решение новенькой, ходить или не ходить в школу танцев. Лукиан Саларьев разбивался в лепешку и стелился вокруг мелким бесом, чтобы угодить, увлечь, заинтересовать новенькую.

– Начинаем со «Святого Бернарда»! Хари, разреши! – подхватил он ее, будто для вальса, собственно, это и был простенький сельский вальсок два притопа, три прихлопа, и повел – три шага вправо, топ, топ, три шага влево, топ, топ. В круг два шага, из круга, вальс по кругу, «качели» или же «балянсе», дама кружится под руку кавалера и переходит к следующему. Повтор!... А теперь под музыку! – и включил фонограмму.

И слепой конь найдет дорогу, если зрячий ямщик правит. Харианна влилась в ансамбль на одном дыхании, притопы-вала, кружилась, любезно обмениваясь улыбками с партнерами, которые больше не казались конюхами, горничными или кубиками, а людьми обходительными, благожелательными и даже обаятельными. Да что там обаятельными?! Добрейшими и милейшими. Наверное, такими, они себя и видели на экране. Голова Харианны шла кругом, она корила себя за скоропалительную резкость первого суждения.

Следующий танец мог танцевать любой, кто запомнил последовательность и направление шагов. Но, что станцуют вдвоем, невозможно станцевать одному, а что могут выстроить в танце две пары, невозможно сделать одной, а уж дю-

жина пар вообще плетет кружевные чудеса. И простенький танец приобретает необычайную силу, если сила эта умножается сообща, приводя каждого в состояние бурного счастья. Харианна не чувствовала тела, кружилась, перекочевывая (или как это здесь называется, прогрессируя) от партнера к партнеру, на месте которого, однако, частенько оказывалась дама – вечная статистика десяти девчонок на девять, а то и на пять ребят. Иногда приходилось приседать, чтобы станцевать «качели» и покружиться с таким партнером в юбке. И, тем не менее, Харианна была в упоении еще в большем, чем на площади Легкие: есть разница – пить воду или смотреть, как ее пьют другие.

Саларьев подливал масло в огонь:

– Прекрасно, Хари! Чудесно! Браво!

И скользил по ней взглядом из-под полуприкрытых век: мол, с этой все понятно. Танц-маньячка, и у себя на похоронах станцует...

За окном стемнело, и стёкла окон превратились в зеркала; Харианна повторила разученное, но движения её по свидетельству окон были тяжеловаты. Она просто ходила под музыку, а надо было танцевать!

«Легче, легче! Где пресловутая легкость бытия?» – подумала она и увидела в отражении стремящегося к ней Саларьева:

– Легче, легче! – он подлетел и увлек ее в вальс. – Замечательно, прекрасно! Но надо еще работать и работать!

Харианна растворилась в музыке и на лице ее была не улыбка, а печать музыки, отпечаток абсолютного счастья от полного слияния с ее гармонией.

Глава 2

Упоение

Ночью Харианна не могла заснуть. Перед глазами выплывали лица танцующих, сияющие улыбками в круговороте танца, в потоке музыки и уплывали. Улыбки иногда больше походили на оскал, но Харианна этого не замечала. Ей хотелось, чтобы все вокруг было прекрасным, и таким она всё и видела. На танцующих были бальные платья и мундиры цветов радуги с их нескончаемыми оттенками; оборки, накидки придавали движениям легкость, летучесть, а движения всех были абсолютно синхронны. Голос свыше с подголоском эха диктовал им текст танца:

— Я буду танцевать и после смерти —
Ухода из оков материальных —
На гребнях волн, на ясном лобном месте
И на рисунках неземных наскальных.

И Харианна танцевала на гребнях волн, в воздушном платье и сверкающей диадеме, легко переступая по их белопенным вихрам.

– Я буду танцевать, как льется дождь,
Легко, уверенно и полноправно.
Он знает, его жаждет рожь,
Леса, цветы, целительные травы.

И она танцевала в потоке слепого дождя в платье цвета бензина, обтекающем фигуру. Под ногами мелькали цветы, травы, как сказано голосом, а он не уставал:

– Я буду танцевать, как лебедь-птица,
Крылом с лучом младенчески играя...

Харианна раскинула руки в широких рукавах белого ситца, над ней раскинул крылья лебедь, и они закружили с ним в подоблачном танце, как Лебедь и Леда.

– Закружат рядом в хороводе лица,
Я не одна танцовщица такая!

И снова выплыли из облака в платьях имперского стиля ампир Клавдия в облике юной Мишель Мерсье, Милена, Мария, мастер Покленов в эполетах, Гекатка – лицо ее скрывало облако, но платье ее малахитового цвета и старательность реверанса не перепутать; Роза, «я тучка, тучка, туча», в розовом платье со шлейфом, глаза ее сияли синевой – все, все были изящны!

Мы будем танцевать и после смерти —

Ухода из оков материальных —

На гребнях волн, на лунном лобном месте...

И все кружились в *grande chaîne de dames*, то есть в витках перехода большой дамской цепью, выстроив карусель, иначе называемой звездой (стеллой, этуалью), меняя руки в движении, кружились на лобном месте под лунным балдахином.

На барельефах арок триумфальных...

Это был апофеоз, все застывали в течении танца, и покрывались слоем мрамора. Какая-то женщина с лицом ацтекского божка стала фигуркой из розового каррарского на громадной триумфальной арке на Кутузовском проспекте. А где же мэтр?!

Арка дала трещину, стала разъезжаться, образуя черный туннель, в туннеле засветились черные огоньки и двинулись на неё. Из туннеля кто-то шел в красном цилиндре и в маске из потемневшей бронзы. Харианна протянула руку, чтобы приподнять маску, но идущий в черном трико, уклонился: «Не тронь!» Подул ветер, маска слетела с лица и улетела черной вороной. Под маской был провал. Харианна с криком проснулась. Затем бросилась в ванную, открыла воду и взмолилась:

— Куда вода, и сон туда! Куда вода, и сон туда!

Вода журчала и весело разлетались брызги.

Одно теперь знала Харианна: танец вошел в ее жизнь навсегда.

Глава 3

Похмелье

Недели летели быстрее страничек с отрывного календаря.

Харианна ходила по улицам вприпрыжку, закрепляя до механичности танцевальные шаги, оттачивала их у всякого зеркала, а с ними поклоны, реверансы, повороты головы согласно правилу золотой середины, непринужденности и непосредственности.

На уроки танца она мчалась со скоростью ветра. В этот вечер у самого входа столкнулась с черноволосой женщиной, телосложением и лицом, похожей на ацтекского божка. Харианна вздрогнула: да она же... из моего сна!

Та рассеянно, онирически улыбнулась:

– Привет! – и вошла в стеклянную дверь.

Харианна скользнула за ней.

На занятии эта женщина спокойно прерывала поток речи Саларьева замечанием или уточнением; он замолкал, морщил лоб, заглядывал в распечатку хореографии танца и кивал:

– Да, дорогая! Ты права!

Или:

– Диана, радость моя, ты всегда права! Я совсем закрутил-

ся! – и исправлял погрешность.

Из чего Харианна заключила, что эта дама – супруга танцмейстера Саларьева. У скакавшего рядом Арлекинова спросила, кивнув на Диану:

– Жена?...

Он не дал ей договорить:

И жена, и супруга и нет лучшего друга и всем нам мать – ибо она организовала нашу «Маску радости», она живой компьютер – все знает и помнит наизусть, танцы, переходы, движения. Монстр! Ничего не забывает! Уникальная память! Это голова нашей секции, вдохновитель и организатор всего! Она – папа Карло нашего кухмейстера на уроках! Ха-ха-ха, кухмейстер – танцмейстер, у танцев своя кухня!

Кухмейстер же, как всегда, не щадя ушных перепонok присутствующих, оповестил:

– А теперь Французская кадриль! – голос его сделал трещину визга. – Повторяем и шлифуем повороты головы относительно шагов. Ты, Хари, посиди, тебе еще рано кадриль!

Харианна, бросившая было взгляд утопающего Арлекинову, отошла к стенке, сгорая от любопытства узнать, что же это за диво дивное, к которому, она, рвущаяся в бой, точно конь в атаку, не готова.

Арлекинов пожал плечами, отвернулся:

– Французская кадриль пережила французскую революцию!

– Как сказать, – усмехнулась Харианна, – революция про-

должается.

Кадриль, как о том сообщает ее название, танцуется квадратом *каре*, выстроенным из четырех пар, которые стояли первая напротив третьей, вторая – напротив четвертой и соответственно исполняли по очереди один и тот же пассаж танца. Самая большая ответственность лежала на первой паре, так как остальные повторяли рисунок за ней. Все фигуры имели французские названия. Начиналась кадриль «английской цепью», *chaîne anglaise*, нечётных пар, состоящей из двух ходов конем навстречу друг другу с чередующимся податием рук и возвращением на свое место.

Зазвучала музыка, бравурная, мажорная, пары ринулись в танец. Харианна у стенки попыталась копировать их движения, но это оказалось невозможным, ибо весь секрет заключался во взаимодействии танцующих или, модно выражаясь, в интерактивности. Харианна наткнулась на стену. Танец невозможно выучить глазами, его, чтобы впитать, надо учить всем существом. А тем более, если речь идет о светских танцах, где узор выстраивается всем миром. Светские вышли из народных танцев. Или у них у всех один исток? Хотя у общего потока могли быть встречные направления в разные времена.

В третьей части надо было плясать новый шаг *en arriere*, с выбросом правой ноги в полет в сторону. Простой шаг. Но в темпе стремительного танца, мелькавший слишком быстро, Харианна не успевала его уловить. Она подбежала

к Диане, сидевшей на столе у стены:

– Покажите мне этот шаг, пжалста!

– Э-э-э, – протянула Диана, – не все так просто. Не гони лошадей. Потихоньку освоишь. Ты ведь только начала...

Харианна не поняла. Вернее, поняла, что ей отказывают. Но почему, из-за чего и чего ради?! Разве все здесь не влюблены в танец и не жаждут его процветания?

– Дорогая, свет очей моих! – кричал Диане Саларьев. – Возьми себе в пару Флору, она что-то тормозит сегодня.

Подбежала пышная Флора в два раза выше и шире Дианы.

«Странно, – подумала Харианна, – такая показная нежность и любезность к супруге. Они что, на стадии развода?». Она отошла к стенке. Выброшенный на скалы обломок шхуны, наблюдавший, как в небе проносятся поднятые паруса облаков. Фигуры танцующих двигались перед Харианной, как заводные, перед глазами поплыли картины Яронима Босха, изображающие столпотворение на площади. Босхическая толпа пришла в движение, следуя чертежу Французской кадрили. Суфлерские подсказки танцмейстера заглушали музыку:

– Deux a deux! Demie chaîne anglais!

Босхические горожане танцевали, будто бурили ходы в пустоте, с упрямством, напором, сосредоточенностью. У кого-то мелькнул хвост, у кого-то копыто. «Зообосхизм», – отмахнулась от видения Харианна и посмотрела на часы.

Прошла четверть часа. Светские танцы не рассчитаны на зрителя, они не спектакль, они действие, в котором заняты все. А уж с методическими остановками и повторами, кадрили становится нескончаемой.

«Кварту часа я топчусь у стенки в ожидании чего? Время дороже денег. Тем более, урочное. То бишь, платное. Вот тебе, бабушка, и то бишь – to be or not to be».

– Пауза! А теперь пауза! – прокричал Саларьев, когда закончился последний, пятый тур кадрили.

Народ рассыпался по залу. Харианна обратилась к Флоре:

– Покажи, пжалста, этот шаг, медленно.

Та завиляла всей спиной:

– А вдруг Лукиану не понравится, что я выполняю его работу. Это же его хлеб. Попроси его. Или Диану.

– Понятно, – отошла Харианна.

Теперь ей действительно стало всё понятно.

Глава 4

Держи голову по ветру, а спину прямо

На всякое «нет», есть интернет.

В нем отыщется ответ на все вопросы, кроме главных. И Харианна распахнула на мониторе дверь в страну кадрили. По запросу вышла добрая дюжина видеозаписей. Она выбрала такую, как была на уроке, и разучивала новый шаг с пофазовыми остановками ролика. Все действительно было предельно просто, эти танцы ведь танцевали не солисты балета и даже не кордебалет, а всякий желающий танцевать. Главное, запомнить схему и шаги на механическом уровне, когда уже танцуешь, как ходишь – не думая. И Харианна неутомимо заикликала этот шаг перед зеркалом. Ноги были, как деревянные.

Она махнула рукой и легла спать.

Шаг-то она выучит. Но где взять семерых партнеров? Ведь кадрили пляшется четырьмя парами. Не со стульями же танцевать?

И ночью ей привиделся танец с деревьями на поляне. Березы-дамы корнями вверх, в кроной вниз, крона превращалась в кринолины; они даже созвучны: крона – кринолин... впрочем, и корона... Но коронами на корнях были венки

из ромашек, маков, лилий, из них же сплетены оборки и бон-боньерки на груди и по подолу. Клены – это были кавалеры, шагавшие корнями по земле и колыхавшие кронами в воздухе... *будто крепче сжимали руками своих волос качнувшийся пузырь*¹.

Харианна в круговоротах кадрили с деревьями носилась в зеленом платье, сама себе казалась такой же березой. Дух захватывало, и дух воспрянул, стремительное движение-кружение пережгло все огорчения. Танец – мистерия божественной стихии.

Утро вечера мудренее, и наутро Харианна знала, что надо делать для усовершенствования своего танцевального искусства. Уроки танцев проходили трижды в неделю для трех уровней: начального, продвинутого и профессионального. Если на первых двух разучивали новые шаги и танцы, то на третьем их закрепляли, отшлифовали и пополняли классический набор балльных карнетов или же танцевального репертуара новыми танцами, представляющих собой перетасовку и вариацию уже известных фигур и шагов, но ведь и вся музыка состоит из семи нот. Все искусство композитора и музыканта заключается лишь в ловкости их сочетания.

Она пришла на занятия пораньше, с запасом времени, рассчитывая застать мэтра Саларьева один на один. Но зал был заперт, и она сидела на каменной лестнице, как тоскующий сфинкс.

¹ Есенин С. А.

Явились все сразу: мэтр с гурьбой плясунов: кубическая Роза, обрившая голову, отчего стала кубом в квадрате, Клавдия в неизменных ботфортах и боевом экзотическом раскрасе, старушка Инга из старой гвардии, за немощью угодившая в ряды начинающих, Петруша – главный трофей жизни Гекаты, она сама не пожаловала-с, а еще Северин – знойный рыцарь Милены, вездесущий Арлекинов и другие, чьи имена Харианны путала, слишком уж они распространенные, но для себя одного из них обозначила человеком в футляре, он всегда с Юлькой, другого пионером, так как он всегда готов был приволокнуться за любой из дам в отсутствии супруги, смеси Элизабет Тэйлор с Раневской в молодости. Перед уроком они заседали в соседней кофейне и вот явились все сразу, как снег на голову Харианны.

– Анна! – выкрикнул мэтр Лукиан Саларьев. – Вива Анна!

Что звучала «Виванна»... она было возразила: «никакая ни ванна», да запнулась, замялась, заминку превратила в улыбку.

Урок начался.

После разминки мэтр показал трехминутное видео «Павильонный вальс». В Трианоне, роскошном излюбленном уголке самой бедной из королев, на лужайке у фонтана со статуей, у которой вода лилась из пояса вверх по траектории перевернутого тюльпана вокруг талии и тут же спадала вниз, образуя колокол прозрачного водного криолина, три пары, выстроившиеся в две шеренги лицом друг к дру-

гу, танцевали под звуки арфы и клавесина. Кавалеры в каф-
танах раскланивались со своей дамой, затем с дамой справа
и слева. Первая дама и второй кавалер брались за руки, вра-
щались вправо и возвращались на место. То же проделывал
первый кавалер и вторая дама. Затем вся шестерка танцую-
щих бралась за руки и совершала променад по кругу из вось-
ми шагов *pas de Vire* в такт музыке и возвращались в исход-
ную позицию. Первая и вторая пара брались за руки, образуя
два квадрата, и обходили друг друга по траектории квадрата,
двигаясь в противоположном направлении, *russet* или же тя-
ни-толкай: первая вычерчивала квадрат шагами вперед, вто-
рая – назад. Третья пара кружилась на месте, взявшись за ру-
ки. Цикл этот повторялся трижды и завершался вензельным
росчерком финального поклона.

Все ахнули в восторге от очаровательной простоты танца
и захлопали:

– Простенько и великолепно!... Гениально!... Какая рафи-
нированность! Изыск!... Грация во плоти танца!

Все были счастливы; Харианна тоже сияла, как солнце
в зените.

Вбежал Ян Покленов:

– Пардон! Тысячу раз! Клиент задержал... Клиентка...
корсет слишком узкий.

– Привет, Ян! Переобувайся!

– Что за экстаз? – поинтересовался он, надевая чешки.

– Мы глотнули нектара с амброзией, – загадочно прошеп-

тала Милена.

– А, может, чего-то другого нанюхались? – пошутил Ян, поймал за руку Харианну, оказавшуюся буквально под рукой и стал с ней в ряд танцующих. Стали разучивать это павильонное чудо танца, он свивался легко и красиво, плавно и размеренно. Повторив цикл танца раз двенадцать, усвоили так, что, казалось, и после смерти будешь помнить.

Перерыв был заслуженным. Кто пошел покурить, кто просто лясы точил:

– Вот я пришел на танцкурс, чтоб расширить круг своих клиентов, а точнее, клиенток, – откровенничал Покленов. – Их пока не нашел, зато познакомился с такой милой, такой фарфоровой девушкой, как Харианна.

Роза потянула воздух носом:

– Ты про Аньку-то? Блондинка. Чем волосы белее, тем извилины прямее.

Ян удивленно смерил взглядом ее лысину:

– Ну, знаешь, рыженьких вообще в костер бросали. А против блондинок холодная война по сей день идет. Им все завидуют, их очерняют и при этом все красятся в блондинок. Редко кто красится в брюнетку. И уж точно не блондинка.

– Да уж, – впервые вышел из футляра человек, имени которого Харианна не помнила, – в Риге проходит ежегодный парад блондинок. Исчезающий вид.

– А ты откуда знаешь?! – возмутилась его востроносая Юлька, кстати, брюнетка.

– Так Европа ж, – и человек тут же спрятался в футляр, будто улитка. Юлия кивнула: мол, ничего, ничего, мы еще поговорим про парад блондинок.

«Ах! – разглядела очевидное Харианна. – То-то они всегда вместе, муж и жена».

Три хлопка в ладоши при акустике зала оглушили, оповестив о командах мэтра, последовавших, как гром после молнии:

– А теперь крепкий орешек: Французская кадриль! Танцуют все, кто знает танец! Кто не умеет, не танцует!

– Кто не работает, тот не ест, – усмехнулась Харианна.

– Хари, тебе еще рано кадриль, – распорядился мэтр танца, – понаблюдай пока.

– Но я хочу выучить эту кадриль, – возразила она. – А не стоять за кадром.

– Всему свое время. Не спеши в камыши.

Харианна вышла из зала на террасу:

– Ах-х-х, убиться и не жить, – она стала следить за танцем через стеклянную дверь, повторяла проходку «шаг – шаг накрест – шаг» туда и обратно; тут, главное, чтоб шаг был с подскоком, это придавало движению легкости и стремительности. Но фигуры, требующие участия четырех и более танцующих, в одиночку повторить нельзя. Один в поле не воин, а путник. Один в светских танцах не балерун, но баран.

После кадрили гоняли набившего оскмину «Святого Бернарда»; топанье каблуками, как копытами было солда-

фонским, не для изящных дам, и Харианна смягчала притопы каблучков.

Урок закончился, и она перехватила мэтра на выходе:

– Простите, я хотела....

– Да, что ты хотела, крас-с-с-савица! – как обычно, паясничал он.

Харианна смутилась:

– Ходить на два урока в неделю.

Саларьев прищурился в улыбке:

(«Где я видела эту улыбку?! – сверкнула молния в памяти).

– Не-е-ет! – проблеял мэтр.

– Но я же буду платить за уроки! Я вообще ходила бы и все три раза. Один раз – почти не в счет!

– Не-е-ет! – затормозил её мэтр. – Дело даже не в деньгах.

– Как же, – опешила Харианна, – кто платит, тот и заказывает музыку...

– Нет, нет, ты и так скачешь семимильными шагами. Люди и так ропщут, что я тебя вперед протаскиваю.

– Протаскиваешь?... Ропщут? Вместо того, чтоб радоваться чьим-то успехам?! – Харианна теряла Дар Речи. – Я ведь только сдвинулась с мертвой точки. Меня поздравить бы надо!

– Поздравляю! Да, надо! Но люди протестуют. Мне уже высказывались, – корчился мэтр.

– Да они больные! Им лечиться надо! А не кому-то жизнь

калечить.

– Ну-у-у, – кивнул мэтр, расставив руки, – не спорю, согласен руками, ногами, если хочешь, рогами, – он потряс головой, – но поделаться ничего не могу. Народ обидится и разбежится. А мне нужна массовка.

– Обидится, что я научилась танцевать?

– Ты научишься. Два-три года и будешь, как заводная балерина в музыкальной шкатулке. Тогда никто рта не откроет. А так нельзя, чтоб ты за полгода освоила то, на что у других ушло три. Несправедливо! Где равенство?

– Ах, несправедливо?! Тогда зачем ездить на «Тесле», если можно на «Жигулях»?

В зале погас свет. Что ни делается, все к лучшему. В темноте в памяти вспыхнул портрет Ленина. Он лукаво улыбался. И улыбка эта была такою же, как у Саларьева, Лукиана.

Глава 5

Времени в вечности нет

Началась первая в жизни Харианны экзаменационная страда. Она ломала голову, как раздвинуть время, сделать его безразмерным. Ведь это возможно, коль существует вечность! Ей-то, вечности, без разницы, сколько длится час – шестьдесят минут или триста. Раздвинуть время – это как расширить дом: сломал стену и построил новую на десять, сто метров дальше. Хотя, наверное, это есть хроноутопия, повод для сказки, а в мире материи это нарушит весь круговорот циклов в природе, спать-то клонит, когда солнце село. Ведь Хронос против Хаоса! Хронос – устроитель порядков и организованности. Но, несмотря на хроническую нехватку времени, доводящую до таких фантазмагорий, Харианна все отставила бы ради танцев. Иначе что это за жизнь? Сухарь в плесени, каша без масла, макароны без сыра, камин без огня, питье из пустой кружки. Танец в ее жизни будет всегда. Наравне со словом. Танец и Слово – ее два крыла, она поднимется на них в небеса, ибо в Слове и Танце можно совершенствоваться до бесконечности, сей подруги (или сестры?) вечности. Это же контрданс, который танцуют пространство и время, которые могут сказать друг о друге: *«Мой вечный*

*визави в кадрили».*²

По городу танц-курсов, как грибов после дождя, от аргентинского танго до бальных спортивных, но светские исторические архивные танцы Саларьева были единственными в радиусе пятидесяти километров. А у Харианны и так запарка, время дороже денег. Что так и есть всегда и в любом возрасте. Но не всегда мы это замечаем.

Харианна впервые не пошла на занятия «Маски радости». Нашла видео в вездесущем, стала сама разучивать танец. Полупотерянное время. Но и стоять в сторонке под стенкой и хлопать ресницами, глаза, как танцуют другие, – время потерянное. Танец осваивают не глазами да ушами, а ногами и руками. Усмехнулась, вспомнив Саларьева: ну, еще рогами... этими антеннами. Он открыл группу общения в айфоне, туда-то она и послала сообщение, можно ли на будущей неделе прийти на два урока, ибо на этой не смогла по причине экзаменов. Что было чистой правдой: грызть гранит науки – это вам не песни петь.

Саларьев ответил молниеносно: «Приходи».

Харианна воспрянула: наверстает упущенное и разучит что-либо поинтереснее, чем два притопа, три прихлопа.

Мэтр встретил ее бурным приветствиями:

– О, какая пунктуальность!

– Точность – вежливость королей, – парировала Харианна на комплимент.

² Лермонтов М. Ю.

– Отлично! Мне нравится эта поговорка!

– Английская, – уточнила она.

– Однако, подождем остальных, – мэтр указал Харианне на стул, а стал тараторить по мобильнику.

Харианна посмотрела на часы. Стрелки страшнее танка: даже если их растоптать, время будет бежать. И тикать, тикать, оглушительно тикать, бить набат громче колокола. Первою появилась брюнетка Маруся, почти бальный профессионал, на ходу переодеваясь, вытащила из сумки чешки:

– А ты что тут делаешь? – заметила она Харианну.

У той дыхание сперло в горле:

– А ты?

– Ну, я понятно.

– А я не понятно?

Группа была в сборе. Харианна тоже переобулась. После разминки Лукиан Саларьев хлопнул в ладоши – в ушах зазвенело:

– Начинаем разучивать контрданс «Дыра в стене». Hole in the Wall. Так в GB³ назывались подворотни незаконной торговли виски или что они там пили при Елизавете I... Hole in the Wall

– Hole? Ноль, – произнесла Харианна.

Все повернули голову в ее сторону. Она смутилась:

– Дыра нолеобразна, имеет форму Ноля, потому и Hole...

Роза потерла пальцем висок:

³ Великобритания в английском сокращении.

– Ты английский с деревней не путай!

– Танцуем в две колонны, – командовал парадом мэтр, – джентльмены и джентельдамы друг напротив друга. Хари, ты пока понаблюдай. Тебе еще рано браться за, кхи-кхи, «ноль» без палочки, – и метнул ей свой взгляд Ильича.

У Харианны сбилось дыхание: то есть, как понаблюдай?! Она что, бросила грызть гранит науки накануне экзаменов, чтоб тут у стенки хлопать своими *бабочкообразными*⁴ ресницами?

⁴ Дмитрий Чернусь «Когда-нибудь».

Глава 6

Урок мазурки или Геометрия танца

Не клином же сошёлся свет на Лукиане Саларьеве и его оскаленной «Маске радости»! Но легко это казать это в столицах, где повсюду реклама танц-школ и обществ исторического танца вроде «Бал в старинной усадьбе» или «Трианон», а здесь, в провинции «Маска радости» – одна окрест на сто верст.

Харианна повесила объявление на своем факультете «Ищу визави для бальных танцев минувших столетий». Поклонники на эту роль не подходили: у них на уме были потенциальные «танцы» в горизонтали, а это из другой оперы. Но как без партнёра освоить танцы? «Партнер», как и «парень» – происходит от слова «пара», а из пар складывается общий механизм танца, точный, как швейцарские часы, где каждый винтик, шестерёночка, колёсико пребывают в движении. Впрочем, part – это ещё «часть», половинка пары, да и за партой сидят вдвоем. От этих безымянных соучастников она ожидала шквал звонков или хотя бы посланий на электронную почту. Ан, полная тишина. Телефон молчал, как сломанный и отключенный за неуплату задолженности.

«Чушь какая-то! – недоумевала Харианна. – Неужели сло-

весникам не до танцев?»

На очередное занятие она отправилась в сопровождении разве что тени отца Гамлета. Жизнь коротка, люди в ней – тени, а искусствоечно. Танец – искусство. Искусство ли? Она танцует, как дышит. Но это дыхание прана йоги. После бурных приветствий, началась разминка и повторение пройденного. Повторение – мать учения, утешенье дураков. Так неутешительно звучит целиком известная до половины пословица.

Новым танцем была мазурка из киноленты Лукино Висконти по роману герцога, князя, гранда и писателя в одном лице по имени Д.Т. ди Лампедуза, по знаменитому роману «Леопард». Танец на экране начинался со второго такта мелодии. Лукиан в этот день ввёл методику видеоурока. Практически то, что Харианна уже применяла дома, запуская видеозапись и останавливая нужный стоп-кадр, чтобы пофазово разучить тот или иной шаг или пассаж. Только дома разве что со стулом потанцуешь, а тут толпа; да и светские танцы, вышедшие из народа, невозможно разучивать в одиночку. Один в поле уж точно не танцор.

– Контрданс – кавалеры напротив дам. Начинаем с левой! – выкрикивал мэтр. – Хлопок, ладошки по диагонали, дама правой, кавалер левой! Повторили! Два раза, я сказал! Проходка, дамы вправо, кавалеры влево.

– И дамы, и кавалеры, каждый в своей шеренге вправо, – проскрипела Диана, его супруга.

– Стоп! – хлопнул себя по лбу мэтр. – А я что сказал? Со всем очумел.

Диана авторитетно проворчала:

– Кавалер вправо... – она протанцевала проходку: шаг, шаг накрест, шаг, в своем стиле БТРа, который везде пройдет и не забуксует.

– Ах, да! – снова хлопнул себя по лбу мэтр. – Кретин! Совсем крыша едет! Спасибо! Любовь моя! Звезда жизни! — и для перепроверки запустил видео.

Диана была права.

Танец на экране был действительно красив. Диана танцевала в колонне кавалеров: их по вечной статистике была нехватка; впрочем, она не танцевала, она двигалась под музыку именно, как часть заводного механизма; она давно оттанцевала свой потенциал и легкое дыхание, – не зря балерины уходят на пенсию лет в тридцать.

После мазурки из «Леопарда» перешли на галоп, который можно плясать с разбегу в карьер, особо не разучивая, разве что установив, в какой последовательности должны выходить, точнее, выбегать пары из спиралевидно заверченного круга. Танец – есть точная геометрия.

Харианна летала на крыльях упоительного счастья, она не чувствовала тела, да и никто его не чувствовал, ни кубическая Роза, гонявшая галоп, как шкаф на колесах, ни бойбабы Флора и Лаура, ни их жираф Жора, ни Арлекинов, и без того всегда паривший, как шар на нитке, – никто из мелькав-

ших вокруг лиц на этом празднике по будням. Лица разрушались, глаза горели, здоровье било ключом. Харианна любила всех и знала, что все любят её и друг друга. А что ещё нужно для счастья?

Глава 7

Вальс с табуретом

Кавалеров не хватало, хоть застрелись. Во многих школах танца в условиях приема был прописан пункт: «Набираем пары и кавалеров: дамы есть».

Танцевать же в паре с дамой, будь то девица или синий чулок, было занятным до поры и до определенной черты. Например, Гранд полонез, где кавалер опускается на колено, а дама кружится вокруг, танцевать двум дамам почти так же абсурдно, как двум кавалерам. Да жажду можно утолить водой, шампанским, лимонадом, но никак не простоквашей.

Звонков на объявление Харианны о том, что она ищет кавалера для исторических танцев XIX века, по-прежнему поступило ноль без палочки, и как же тут было ни теряться в догадках, где его взять. Не останавливать же встречаемых на улице. Право, хоть с табуреткой танцуй! Не с торшером же, он тяжелый. Такое одиночество зачем и как возможно перед угрозой демографического взрыва?!

Харианна закрыла глаза и представила, как подхватила табурет (впервые обратив внимание, что в просторечии его почему-то называют табуреткой) и закужилась с ним в вальсе под фонограмму:

– Как вас зовут?

Вы мне скажите тотчас!

Лишь пять минут

И дотанцеум вальс, дотанцуем вальс! —

пел по-английски Демис Руссос под музыку Второго вальса Шостаковича. Одежда ее в воображении тут же превратилась в белое бальное пышное-препышное, воздушное платье, и она мощно стала мечтать, обнимая табурет, о том, каким должен быть ее кавалер. Конечно, в золотых эполетах, с лампасами, подтянут, высок, строен, умен, обходителен, внимателен, улыбка – море обаяния, и при этом он раскованно танцует, партнерше можно не думать, какой следующий пассаж танца, а к тому же, он еще и благороден, с безупречными манерами и вкусами. При этом обязательно играет на музыкальных инструментах, эрудирован и настоящий ас своего дела. Одним словом, рыцарь и настоящий человек.

Но музыка и танец – явление столь же эфемерное, сколь мимолетное – незаметно закончились. Харианна поставила табурет на место: «И был мой вечный визави в кадрили»; вздохнула: поэтический штрих – а в нем целый мир.

Зазвонил телефон. Солидный баритон в трубке сразу перешел к делу:

– Вы ищете кавалера для бальных танцев?... Нашли?... Ум-гу-у. Тогда я не ошибся.... Нет, нет, никаких предварительных встреч. Где у вас проходят занятия?... Та-а-к, запи-

сываю... Как вас зовут?... Я вас найду на занятии.

Харианна повесила трубку. Ха-ха-ха! Как, бишь, я пела давеча?! Под фонограмму... Впрочем, при нынешней технологии «повесить трубку» становится виртуальным действие. Но баритон вполне подходил настоящему человеку. Теперь она с нетерпением ждала следующего занятия. Явилась всё по тому же золотому правилу «Точность – вежливость королей», но все уже были в сборе, среди них новенький... карлик-гигант: человек с обликом и конфигурацией горбатенького карлика, но при этом почти нормального среднего роста. Он был южного типа, с копной черных, волнистых мелкой волной волос и велюровыми черными глазами. Руки его свисали до колен. Саларьев объявил:

– У нас новый участник! Для него этот урок – показательный и подарочный. Представься, пожалуйста!

Карлик вышел вперед и проглаголил елейным голосом:

– Имею честь представиться – архивная крыса. Дышу пылью фолиантов и их содержанием. А вы танцуете на площадях и в парках, на набережных и ярмарках. Движение, музыка и воздух – вот мой лучший доктор. Выбираю танц-терапию. Но зовусь я не Карлом, как вы, дамы и господа, вероятно, предположили, а зовусь я Миколой.

– Прекрасно! – подхватил Саларьев в своем обычном монотоне -превосходной степени восторга. – Для Миколы, вместе с Миколой станцуем «Медвежат». Вот наши дамы, Роза, Лаура, Флора, Харианна, Клавдия! За тобой, друг Микола,

сегодня право выбора.

– Милые дамы, – провел большой карлик велюровым взглядом по представительницам прекрасного пола.

– Харианна! – увлек ее за талию танцмейстер и подвел к новенькому.

Она подала ему руку – он пришелся ей чуть выше плеча. Присела в реверансе, новоявленный кавалер ответил ей почтительным поклоном.

Саларьев стал диктовать шаги и фигуры простеньких, как куплет «Мишка косолапый по лесу идёт», «Медвежат», в три минуты они были разучены и танцуют под беспечную музыку. После каждого цикла танца дамы прогрессируют по кругу и меняют кавалеров. Харианна перешла к следующему, Микола же остался на месте. А когда танец закончился; она услышала за спиной низкий баритон:

– Я буду твоим кавалером.

Она резко обернулась, но никого не увидела, кроме этого гиперкарла.

– Галлюцинации, – потерла висок Харианна.

– Но я же лучше стула, – протянул он ей руку.

– Что-о-о?

– Седлов, я хочу сказать, моя фамилия Седлов, – произнес он тонким голосом и снова с достоинством поклонился.

Харианна со вздохом облегчения подала руку.

С той минуты Микола Седлов стал её бальным кавалером. Он был идеальной точкой опоры для того, чтобы судьба Ха-

рианна завертелась в сторону перемен в *вириі*, вихре танца. А в нём всякое движение начинается по солнечным часам — посолонь.

Глава 8

Прилет Хратиона

В субботу поднялся такой переполох, как будто прилетал сам бог. Голубоглазый Виракоча, Хуан Динь или Аполлон Дельфийский после своих вылазок на Север. Для участников «Маски радости» таким богом и был создатель и организатор Международного сообщества танцев Хратион – такое он взял себе имя в служении Терпсихоре. По замкам и книгохранилищам Европы он десятилетиями разыскал побуревшие от времени рукописи с записями хореографии танцев, например, английский сборник издания Джона Плейфорда 1696 лета или же на латыни Доменика из Пьяченцы «De arti saltandi et choreas ducendi» 1455-ого, дешифровал и занимался возрождением их в эпоху технического прогресса, следуя по стопам Эллиса Роджерса и его английского Клуба кадрили XVIII и XIX века, однако, выдерживая почтительную дистанцию с такими идеологами и жрецами танца, как Моллица и Виктор Вискарди. Уже второй десяток лет школы Международного сообщества танца, МСТ, открывались повсеместно, что позволяло время от времени устраивать сводные балы всех филиалов на той или иной городской площади или в садах вроде Летнего, Венарии, Казерты, Шёнбрун-

на или Тюильри; впрочем, стеклянно-металлические дирижабли новомодных конгресс-холлов тоже привлекали эклектикой эпох и стилей в духе магического реализма живописи; эклектика эпох, когда герои XVII века оказывались в парящих стеклянных зданиях века XXI, создавала эффект путешествия во времени и производила на зрителя примерно такое же впечатление, как полотна магического реализма Майкла Паркеса или Андрея и Ольги Дугиных. Хратион Лукумов прибывал по своим делам, – а главным делом его жизни были кружевные исторические танцы, – и заодно устраивал стажировку для филиала «маска радости» Лукиана Саларьева в клубе «Пенелопа». Предвкушался особый праздник только для посвященных в искусство Терпсихоры, то есть для избранных. Начаться он должен был утром и быть до вечера. С затишьем на обед, для которого участники несли снедь коробами, корзинками и баулами, чтоб сказку сделать былью, то бишь обед превратить в банкет.

Харианна ещё не видела Хратиона Лукумова, и воображала его звездой Голливуда, эдакой смесью Грегори Пекка, Марлона Брандо и Вячеслава Тихонова, хотя последний и не из Голливуда, а из другой священной рощи. Все были в сборе, когда в сопровождении Лукиана Саларьева и Дианы, строго инструктировавшей мужа на ухо, появился Хратион. Высокий, стройный, как голливудец, но с лицом совсем из иной чащи-пущи. «Но мысли тайные сурово язвили ясное чело» – прекрасный эпиграф к эго портрету. Лицо

было омрачено какой-то тяготой, даже когда он изображал улыбку. А изображал он её так, будто позировал на подмостках перед фотообъективами. Хратион произнёс стремительную речь о светских танцах как зеркале эпох и попросил всех стать в круг, ибо их ждут новые танцы, а всякий неизвестный танец, будь ему хоть триста лет, для человека нов.

Разминкой был хоровод под музыку из балета «Коппелия», где все танцуют со всеми, отправляя даму по кругу, станцевав с ней цикл рисунка, звено в цепочке танцевального меандра. Точно так плетется кружевная скатерть: один и тот же узор повторяется по кругу в несколько рядов.

Но когда перешли к бравурной кадрили Ландскнехтов, по сравнению с которой кадрили Французская покажется незамысловатой простушкой, Хратион не отступил от своего правила «танцуют все», не разделял присутствующих на продвинутых и начинающих, на способных танцевать и способных копать, на видных и неказистых, да и зачем? Жизнь и время сами расставят все по своим местам, каждого сверчка усадят на его шесток. Задача Хратиона – дать всем и каждому по максимуму. Он показывал и объяснял фигуры, затем диктовал⁵ их в процессе под музыку, а сам танец представлял собой лавину, уносящую с собой: кто-то уже хорошо знал танец и уверенно вёл начинающих. Опытных танцоров в группе всегда большинство. Но ещё уверен-

⁵ По-английски в этом случае говорят to call, по-итальянски chiamare – звонить, звать, а все восходит к колу, кругу, в который созывали, чтоб хороводить.

нее вела сама музыка, музыка! Вступающие в предпоследней части барабаны – и мёртвых из могилы поднимут! Под их бравурный, ураподобный бой по коже прокатывались волны восторга, радости и счастья и изливались в телодвижениях танца. Не зря ведь перед битвой ввека гремели боевые барабаны. Даже в авральном переходе Суворова через Альпы шли барабанщики полудети. Барабанный бой начинает бой. Воздействие его посильнее шоколада, шнапса или наркотиков, барабаны заряжают дух, а дух – есть знаменосец плоти. И Харианна пылко полюбила барабаны.

Меню простого обеда во время перерыва могло поспорить с банкетным на Большом балу. Дамы принесли причуды своего кулинарного искусства: Роза – пирог-лабиринт, начиненный различными начинками – утиным паштетом, жульеном и прочей нераспознаваемой всячиной, которую дважды не попробуешь в одном пироге, Милена и Северин пирог с инжирным вареньем и грецкими орехами, Флора и Лаура – поднос мини-бутербродов с семгой, Мария – бисквитного лебедя, Покленов – запеченную утку с апельсинами, босхическая Геката – кордебалет куриных лапок на блюде с бумажной кружевной подтяжкой на косточке, иначе называемых котлетами по-киевски, Клавдия, та, что напоминала собой Мишель Мерсье, котелок с рисовой каши со спаржей, Пометов – корзину экзотических фруктов, Саларьев и Диана напитки, Харианна огромную коробку шоколадных конфет, и поскольку на столе были сыры, овощи, зелень и прочее,

то и это кем-то было принесено. Возможно, Арлекиновым, прыгавшим выше всех и расточавшим прибаутки:

– Кто не танцует, тот не ест. А кто ест, тот есть. Ха-ха-ха!

Гость, Хратион, подойдя к столу, развёл пустыми руками:

– Да тут пир на весь мир! Честно говоря, я приустал от уставного бального меню, а здесь наше нёбо ждут новые ощущения!

– Ура Хратиону! – рявкнул Саларьев.

И все, конечно же, вторили ему:

– Ура, ура, ура!

Что было кличем: «Налетай!»

– Кто не танцует, тот не ест! – выкрикнул Арлекинов, нагружая свою тарелку лакомыми кусочками. – Не ест со вкусом! После танцев изощренный аппетит. Хочется чего-то такого, сам не знаешь, чего!

– Это да, – произнес Хратион, и его обступили со всех сторон. – Танец пробуждает аппетиты! В XIX веке приглашавшему кавалеру запрещалось шарить взглядом по дамскому декольте, он должен был смотреть ей в глаза, при этом наклонившись не более чем на сорок градусов. А ведь это такой естественный интерес мужчины к женщине. И ему, и ей ведь приятно. Пресекновение естественных инстинктов развивает неестественные.

При этих словах Саларьев, уплетавший куриную лапку, перестал жевать, кинул взгляд на жену, та перехватила его и резко отвернулась.

– Но танец не умирает, он преодолевает любые безумства эпох, – продолжал Хратион. – При Наполеоне дамы обливали водой платья, чтобы они их облегали. И творили такое даже зимой, когда кавалеры были в шерстяных фраках. Это тот случай, когда не красота, а понятие о красоте действительно требует жертв. А вообще, красота требует денег.

– Да, да, денег! – поддержали его окружающие.

– Я, например, – высказалась Маруся, – видела в антикварном веер, простой бумажный большой веер, но ему двести лет, и на нем нарисована придворная сцена во время бала. Красота невыносимая! Думаю, затяну ремень и куплю. Веер украсит наш бал. Но на ремне надо было удавиться, чтобы купить этот веер, ручная роспись... Чуть не плакала, но пришлось оставить его на прилавке.

– А я, – это заговорила Милена, – тоже в антикварном видела бальный карнет какого-то там забубенного века, с миниатюрным карандашиком, где были записаны все танцы бала и с кем их танцевать. Такая книжечка-миниатюра с удивительными вензелями. До сих пор вздыхаю.

– Что ж ты мне не сказала? – проглотил кусок Северин.

Милена вздохнула.

– Да, – кивнул Хратион, – балы были оказией надеть модные туалеты и фамильные драгоценности. Господа во дворцах, народ на улицах и площадях, особенно во время карнавала. Мода и бал шли рука об руку. Когда платье больше не скрывало дамской щиколотки, на шелковых чулках по-

явились разноцветные вышитые узоры. Это Париж, 1830 годы. О времена, о моды! Стили меняли свои названия. Романтический аристократический, романтический буржуазный или викторианский, ампир. И танцы входили в моду и выходили: паван, гавот, менуэт, кадрили, мазурки и прочая.

Арлекинов, при перечислении танцев, принимал позы с фигурами из них. К нему подскочила Геката и стала гротескно делать соответственные реверансы.

– Привет от Босха, – вздохнула Харианна.

– Что ж, – хлопнул в ладоши Хратион, – завершаем наш контрданс блюд, заслуживающих почетного места в поваренной книге, и переходим к «Прихоти мистера Бевериджа Маго» – магу контрданса во плоти.

И далее на повышенных обертонах он рассказал историю этого завораживающего танца:

– Он стал лордом балов с конца XVII- начала XVIII века. Можете представить, сколько довелось ему претерпеть редакций за это время... Он вошел в ранг фольклора, а фольклор имеет тысячи воплощений. «Мистер Исаак» – родной брат «мистера Маго». Танцевать его можно шеренгами, уходящими за горизонт. Сам мистер Беверидж – танцмейстер лондонских салонов первой четверти XVIII века, окутан легендами, подобно Шекспиру. Его общественная танцевальная школа упоминается Недом Вардом в сатире «Прогулка по Айслингтону», а это 1704 год. Скорее всего, он обработал

уже существующий танец, а, возможно, наоборот, его танец растащили на цитаты в том же «Мистере Исааке» или еще в «Ever Harry» – «Всегда счастливый», правда, совсем под другую музыку, он описан в сборнике 1728 года.

Вариант этого воистину захватывающего танца представлен в фильме по роману Джейн Остен «Гордость и предубеждение» и остается визитной карточкой английского Клуба кадрили Эллиса Роджерса. «Мистер Беверидж Магот» принадлежит к тем танцам, которые танцуются всей свитой, всем околотком, дабы не сказать всем миром. И чем больше народу вовлечено в его не вихрь – течение, тем лучше, и тем больше хочется его танцевать. Узор его, выстраиваемый в квадратных ячейках из двух пар, стоящих в две шеренги, идеально симметричен.

– Семь метричен? – спросила Харианна.

На нее все оглянулись.

– Простите, слышалось... Симметричный так созвучно семиричности.

– Семиричности – семя личности! – хохотнул Арлекинов.

На него зашикали.

– Так, – продолжил Хратион, – прошу всех выстроиться в шеренги и определить квадраты.

Указания его выполнялись моментально, с веселым воодушевлением.

– Он требует точного знания шагов, поворотов и переходов, – продолжал мэтр. – Начинается с перекрестного обме-

на местами через правое плечо сначала нечетных дам и кавалеров, затем четных, и когда дама с кавалером встречаются на повороте в центре этого танцевального перекрестка, им достается целая вечность длиной в три мгновения, чтобы обменяться взглядами. И кто знает, для скольких пар этот перекресток стал точкой отсчета в судьбе! Одним словом, кросс-овер... Почти кроссворд.

Пары иллюстрировали первую фигуру танца под его диктовку.

– Танцуем шагом па-де-буре.⁶

То есть левая нога приставляется к правой и делается переступание с ноги на ногу – легче показать, чем описать этот шаг или лучше раз увидеть, чем сто услышать. В цикле рисунка одна пара в квадрате остается постоянной, вторая же постоянно меняется, идет смещение и продвижение на одну пару во встречном потоке. Цикл заключается тем, что все четыре участника квадрата выстраиваются в ряд, берутся за руки и танцуют волну, нахлынут вперед шагом па-де-буре, отхлынут, нахлынут, отхлынут. Количество пар может быть любое, без конца и краю.

Движения, по сути, простейшие, но, как показал, опыт, требующие отличного чувства ориентации в пространстве, равнозначности деятельности правого и левого полушария мозга, которые включались у каждого собственным биологическим ключом. Харианна растерялась, металась, сбивалась,

⁶ Pas de bourrée.

но с третьего круга внутри, будто щелкнул какой-то клапан, медленно завертелись какие-то шестеренки, задвигались рычаги, произошло некое развитие, давшее внутренний толчок, и она стала повторять фигуру, прежде, чем успевала подумать, куда поставить ногу, кому какую подавать руку. И думала она, осознавала это уже задним числом, по исполнению фигуры. Сие казалось каким-то невероятным чудом, пробуждением, воскресением тела из некой первоначальной или первородной косности. В танце душа летела за телом, а не как в науке, когда душа и тело летят вслед за мыслью. Мыслью танца, пожалуй, была музыка, а музыка – это математика звука. Ах, не зря пассажи Бевериджа встречаются в танце «Вечный счастливчик» – так Харианне было угодно перевести «Ever Happy». Она, как и все танцующие вокруг, вкусила и познала это вечное счастье! А вечное не кончается никогда.

Глава 9

ПоРа – по солнечным часам

*Сейчас салоны – будто привиденья
Иных привычек, золотых эпох...*

Время летело птицей, не оставляющей следа в поднебесье. А в жизни людей оно оставляет след их деяний. Харианна уже училась на втором курсе факультета логософии, овладела основными танцами бального набора и уж почти год ездила с группой Саларьева на балы во дворцах, замках, особняках, на виллах, отелях, по курортам, закрытым клубам, богдельням, на площадях, ярмарках, выставках не только по регионам, но и по разным странам. Во дворцах и замках всегда были библиотеки, и эти бальные туры параллельно расширяли географию Харианской библиотечной карты. «Маска радости» входила в состав Международного сообщества танцев, МСТ, финансируемого, увы, только его участниками. МСТ – еще расшифровалось, как «Мир спасут танцы», что и было начертано на ее логотипе, а по сути, гербе. Принимающая сторона предлагала легкую закуску, и то не всегда, порой, отделяваясь одной водой; и лишь изредка накрывала скатерть-самобранку. Все эти дворцы, виллы, замки в памя-

ти слились в единое здание древности, по залам, коридорам, лестницам которого Харианна бежала танцевальным шагом, кружась в разных платьях, туфельках, бархатных, вышитых, с золотыми пряжками, в белых, розовых, чёрных кружевных чулках.

Следующий бал предстоял в Мараграде на вилле Мараско, лет тридцать назад проданной владельцем администрации города, которая теперь и расположилась в ее покоях. О вилле шла слава как о чёрной жемчужине в ожерелье старинных вилл края, не исключая разрушенных. Но и черному жемчугу свойственны все оттенки перламутра.

Окружал виллу ботанический парк, в котором росли редкостные деревья, привезенные с разных уголков земного шара. Их собирала и высаживала графиня Мараско еще в конце XIX века. Парк окружала каменная стена, завершаемая двумя великолепными трёхступенчатыми башнями парадного въезда, с воротами из чугунного кружева. Можно было долго разглядывать его узоры, будто пытаясь разгадать некую зашифрованную арабскую вязь. Рядом с воротами стоял каменный флигель – своеобразная ювелирная застежка архитектурного ожерелья, – в котором и собрался весь батальон Терпсихоры – группа «Маска радости», ставшая для Харианны, для каждого из маскарадников чуть ли не второй семьей. Во флигеле переодевались в бальные наряды, дамы, помогая друг другу застёгивать булавки, затягивать шнуровки на корсажах, расправлять оборки на белых кружевных

рейтузах до колена, выравнивать подол юбки, зацепившийся за кольца кринолинов, завязывать сзади пояса бантом и прочая. На бал в таком антикварном месте прибыли все участники группы, а Саларьев привел новенького в бархатной куртке, с планшетом под мышкой. Все спрашивали его о здравии супруги, он отвечал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.